

Глава 24. Проректорство (1963-64)

В первой половине шестидесятых годов проводимая Хрущевым социальная политика, не подкрепляемая надлежащим ростом экономики, стала давать сбои. Регулярное (в среднем на 6%) повышение зарплаты, прекращение выпуска обязательных облигаций госзаймов, отмена всех видов платы за обучение и увеличение размеров пенсий, позволившие существенно повысить уровень потребления населением основных продовольственных товаров, требовало не только денег, но и увеличения производства сельскохозяйственной продукции. Огромных денег требовало и бурное строительство жилья, позволившее переселить из бараков и коммуналок четверть населения страны. А их не было. Проводимая экономическая политика, прежде всего в сельском хозяйстве, вела к катастрофическому снижению темпов экономического роста. И тогда, чтобы выйти из надвигающегося продовольственного кризиса, было решено начать закупку американского зерна. Эта, как думали тогда, временная мера стала на долгие десятилетия органической частью государственной политики СССР. В результате обогащались фермеры США, в то время как собственные крестьяне, пытавшиеся расширить свои подсобные хозяйства, подвергались гонениям.

В начале 60-х годов, когда в торговле возникли перебои с мясом, молоком, маслом и хлебом, явственно обозначилась попытка правительства поправить дела в экономике за счет трудящихся. Почти на треть были снижены тарифные расценки на производстве, а розничные цены на продовольствие с мая 1962 года в среднем на столько же повышены.

Оправдывая такие меры, официальная партийная пресса писала: «Если в капиталистических условиях каждая трудовая семья вынуждена большую часть своих доходов тратить на оплату квартиры, медицинское обслуживание и обучение детей и откладывать сбережения на черный день, то наша советская семья большую часть своих доходов употребляет на то, чтобы лучше питаться и одеваться. Это, естественно, порождает, высокий спрос на такие продукты питания, как мясо, колбасные изделия, сливочное масло». Очевидно, отсюда читатели должны были сделать вывод – раз продуктов не хватает на всех, то цены надо повышать.

Лично мне повышение цен казалось вполне оправданным, так как вело хотя бы к временному появлению масла, мяса, колбасы

на прилавках продовольственных магазинов. Иным оказалось положение рабочих особенно со сдельной оплатой труда, для которых повышение цен совпало со снижением тарифных расценок и отказом от обещанной отмены подоходного налога. В Москве, Ленинграде, ряде других городов произошли стихийные выступления рабочих. Особенно острый характер это недовольствие приняло в Новочеркасске, где для восстановления порядка были использованы войска, применившие оружие, что привело к десяткам жертв среди манифестантов.

По разговорам, по интонации чувствовал, что наши институтские коммунисты и, прежде всего преподаватели общественных дисциплин даже радовались трудностям, с которыми столкнулась страна, ибо это в какой-то мере оправдывало их негативное отношение к Н.С. Хрущеву, вызванное совсем другими причинами. После неурожая 1963 года стало очевидным, что вывести страну из этого экономического тупика Хрущеву не удастся и мне было его жаль.

У меня к этому времени то же появилось много новых проблем. В 1963 году настала Наташина очередь идти в школу. В ноябре ей должно было исполниться семь лет. Она уже читала, правда, по складам, считала до ста, и мы решили, что первого сентября отведём её в школу. Валера кончал 7-ой класс, и хотя не имел доек, а по математике получал в основном пятёрки, учился в полсилы. Много времени проводил с товарищами. Несколько раз Нина заставляла его за игрой в карты. Я, ненавидевший их, не меньше, чем вино и курение, не на шутку встревожился. Больше всего проблем было у Ромочки. Учился он в 3-м классе. Из-за болезней пропускал много занятий. Навёрстывать упущенное было трудно. Малейшее усилие с его стороны, вызывало у него головную боль. Его учительница, Мария Филипповна, у которой в своё время учился и Валера, была очень терпелива и снисходительна. В этих условиях вся ответственность за его успехи ложилась на меня.

У меня же, как всегда не хватало времени. По едкому замечанию Нины я вспоминал о детях только тогда, когда, кто ни будь из них заболел, или когда им угрожала опасность. Это было конечно преувеличением, но в основе своей Нина была права, я мало внимания уделял школьным проблемам детей, их образованию. На первом плане у меня всегда стояло их здоровье. Когда кто ни будь из них болел, я ни о чем другом думать не мог. А болели они в те годы почти постоянно. Сначала, в период Нининой

ссылки, меня очень беспокоили немотивированные скачки Валириной температуры, достигавшей запредельные значения. Не находя никаких стандартных, вроде ангины, причин и, не будучи в состоянии сбить температуру, врачи клали их в больницу на обследование и лечение. В те тревожные дни ко мне шли телеграммы полные отчаяния и тоски, а я метался по зоне, лишенный возможности хоть чем-то им помочь. Потом уже в Енисейске тяжелейшая, на грани жизни и смерти болезнь Ромочки. Трудно передать, сколько душевных мук она доставила нам с Ниной. Наконец, когда он немного окреп, и можно было всерьез заняться воспитанием детей, захандрила Наташа. В отличие от Ромочки она примерно до шести лет росла крепкой, здоровой девочкой. Однако потом её стала мучить ангина. Несколько раз в тяжёлом состоянии её увозили в инфекционную больницу с подозрением на дифтерию. В эти страшные для меня дни я ночи напролет просиживал на крыльце Енисейской инфекционной больницы, не поддаваясь на уговоры врачей идти домой.

Как ни странно, несмотря на постоянные болезни детей, я не предпринимал никаких мер к их закаливанию, физическому развитию. Отчасти это могло быть вызвано моим общим негативным отношением к спорту и физической силе, как основе взаимоотношений между людьми.

Даже не задумываясь об этом, прежде всего, заботился о душевном покое и нравственности своих детей. Остро переживал их неудачи, обиды, дурные поступки. Всегда был готов не только придти им на помощь, но и объяснить, в чем они не правы. По себе знал, как важно чувствовать, что ты нужен, и любим, особенно в детском возрасте, пока душа не зачерствела. Никогда не соглашался с родителями, считающими, что любовь надо скрывать от ребенка. Был уверен, что никакие игрушки, костюмчики, лакомства не могут и не должны заменять детям уверенности, что они нужны и безгранично любимы родителями.

Сказанное ни в коей мере не следует рассматривать как некое наставление. Более того, я даже не берусь отстаивать свою правоту. Я просто так чувствовал себя в своих детях. Мое воспитательное воздействие было односторонним. Сводилось оно прежде всего к тому, чтобы разбудить в детях любовь к природе, людям, воспитать умение сострадать. По вечерам, придя от студентов, я читал им небольшие рассказы, повести, сказки. Чаще других сказки Андерсена, романтические сказки Оскар Уайльда и «Маленько-

го принца» Сент-Экзюпери. Читал и радовался, когда мои маленькие слушатели начинали плакать.

Нина сердилась:

- Что ты делаешь! Воспитываешь каких-то неврастеников. Тем более Ромочку. У него и без этого часто болит голова.

- Но ведь меня тоже воспитывали на сказках, балладах, стихах и не сделали неврастеником, – оправдывался я, – к тому же я много рассказываю им о природе, показываю физические опыты.

- Но этого детям мало, – не соглашалась Нина, – их надо приучать к систематической работе, учить не только слушать и сопереживать, но и самим читать, самостоятельно вникая в прочитанное. Надо, в конце концов, учить их конкретным предметам, особенно Валерика.

Я понимал, что Нина права, но это требовало от меня дополнительных усилий и времени, которого у меня было в обрез. Нина вновь не соглашалась:

- Со студентами ты готов сидеть день и ночь, а собственные дети обделены твоим вниманием. Конечно, как могу, я помогаю им, но ведь у тебя получится лучше и, следовательно, пользы будет больше.

Нина, безусловно, была права. В моём общении с детьми школьные дела, как правило, уходили на второй план. Был уверен, что дать им конкретные знания я всегда успею. Важнее для меня было воспитать у них интерес и любовь к окружающей их живой и неживой природе, здоровую любознательность, научить вкладывать в окружающие их предметы свои чувства, чтобы в любой потрепанной игрушке они видели живое существо, способное чувствовать боль и страдать.

После того как несколько успокоилось Наташино горло на первый план опять вышло здоровье Ромочки. Он по-прежнему был очень худ, частенько температурил, кашлял. Врачи поставили диагноз бронхоаденит и требовали усиленного питания. В этом отношении мы делали всё, что могли, старались удовлетворить любое его желание. В те годы в Енисейске появились в продаже китайские яблоки. Уложенные в рисовую стружку они долго хранились и были приятны на вкус и вид. Мы брали пару ящиков на зиму. Хранили их в вырытом мною погребе.

В третьем классе врач, лечившая Рому, стала усиленно рекомендовать направить его на учебу в «лесную школу», расположенную, как она говорила, в великолепном сосновом бору где-то в районе поселка «Заозерный». Нина, склонная к радикальным ре-

шениям, и верящая врачам, была за направление Ромы в «лесную школу». Я, всегда склонявшийся к осторожным шагам, боявшийся травмировать душу ребенка и не доверявший врачам, был против. Особенно беспокоило меня, то, что его там будут обижать, и он будет чувствовать себя одиноким и беззащитным. Нина настаивала на своём, и я скрепя сердце согласился.

Едем автобусом. С обеих сторон дороги сосны, прогалины, поросшие осинками низины. В глазах рябит от мелькающего в просветах леса солнца. Ромочка, обычно с удовольствием совершающий автомобильные поездки, на этот раз испуганно молчит. Остановка. Поблизости ни одной постройки. Только столб, с прибитой к нему табличкой. На табличке название остановки и стрелка, указывающая в небо, под которой чернильным карандашом написано «Лесная школа, 2 км». От столба дорога, ведущая в глубину леса. Решил, что именно она ведет к школе. Рома жмется ко мне. Перспектива остаться в этом лесу, остаться одному среди чужих людей его очень пугает. Мне кажется, я хорошо его понимаю, и сердце моё сжимается в тоске. Все два километра, отделяющие школу от остановки, он идет, крепко держа меня за руку.

Наконец лес расступился, и открылась картина, от вида которой сжалось сердце. Голый холм. Огороженная высоким забором территория школы. Барачного типа постройки. Вахта. На территории школы ни одного деревца. Всё страшно напоминает мне моё лагерное прошлое. Только нет вышек и колючей проволоки, хотя, как я заметил, один из проломов в заборе заплетен ею. Закрадывается подозрение: не были ли все эти постройки в прошлом лагерным пунктом. Первое желание, прижав Ромочку к груди, немедленно вернуться в Енисейск.

И всё же я вхожу. Миловидная блондинка, оказавшаяся дежурной воспитательницей, приглашает в корпус. Представившись, предъявляю Ромину путевку. Открыв толстый журнал, блондинка начинает заносить в него какие то данные. Мимо с гиканьем проносится толпа мальчишек. Все стрижены под ноль. На бегу толкают Рому, норовят ущипнуть. Он в страхе жмется ко мне. Воспитательница то ли не замечает, то ли не обращает внимания на такие пустяки. А мне больно, но я то же молчу. Начинаются вопросы о родителях. Узнав, что я работаю в Енисейском пединституте, радостно сообщает, что у нас училась её младшая сестра. Спрашиваю, не лагерные ли это постройки, и почему лес так далеко, а на территории школы нет ни деревьев, ни цветов.

Поняв, что их школа мне совсем не нравится, блондинка уговаривает:

- Посмотрите, какой вокруг лес, столетние сосны, а какой воздух. Он весь напоен хвоей и смолой, вы чувствуете?

Я ничего особого не чувствовал, но промолчал.

- А то, что лес далеко от школы, так это требование пожарных, на случай лесного пожара, – продолжала воспитательница. – А воздух, воздух.

Она еще долго распространялась о красотах и целебных свойствах этих мест, о высокой квалификации медперсонала, показывала вполне приличные спальные комнаты и столовую. На вопрос, почему во дворе нет ни одной клумбы с цветами, бесхитростно ответила:

- Мы пробовали, но здесь же одни мальчики, не заводить же надзирателей.

Мне всё стало ясно. Грустные мысли навевало все, о чём она говорила, и что я видел.

Прежде чем принять окончательное решение, решил съездить в Заозерный, и обсудить этот вопрос с одной из моих недавних выпускниц – Ниной Куликовой. С трудом уговорив Ромочку остаться с воспитательницей, и пообещав к вечеру вернуться, отправился к Нине. К сожалению, она мало что знала об этой школе, но, побегав по соседям, сообщила, что отзывы в основном положительные. В смятении вернулся я к школе. Обошел её вокруг и остановился около пролома, заделанного колючей проволокой. В середине двора стоял Ромочка, держа своими худыми ручками почему-то расстегнутые штанишки. Вокруг него, улюлюкая, кружились мальчишки, показывая на него пальцами. Его лицо несчастное и затравленное было мокрым от слез.

Не трудно представить какие чувства испытал я в этот момент, и какие желания проснулись во мне. Но я их поборол, и ничего не объясняя, забрал Ромочку. В Енисейск мы с ним вернулись к ночи.

Нина не удивилась и только проговорила:

- Я так и знала! И к чему тогда было ездить?

- Как ты не понимаешь, я хотел убедиться в справедливости своих опасений.

- Ну, и убедился?

- Убедился! Оставить его там было бы предательством с моей стороны.

В этот вечер Ромочка долго не мог уснуть, а, уснув, то и дело просыпался с плачем. Больше таких попыток мы уже не делали, и ни в какие лесные школы или пионерские лагеря Ромочку не направляли. Решили, что пока будут позволять средства, будем на все лето вывозить детей на юг, к морю. В дальнейшем это решение стало образом нашей жизни. Напрягаясь из последних сил, а точнее средств, мы практически ежегодно ездили на юг. Ездили поездом, плацкартным вагоном, жили в палатках, еду готовили сами, самую простую и все деньги старались тратить на фрукты. Чтобы не влезать в долги, дома в Енисейске, вели более чем скромный образ жизни. Экономили, прежде всего, на вещах и одежде. Стол, стулья, диван-кровать и детские кровати, книжные шкафы – вся наша мебель. На кухне открытая плита, требующая много дров и погреб, который я вырыл достаточно просторным и глубоким. Детскую одежду, вполне приличную, из которой вырастали их дети, присылали Ляля и Эрnochка. Не было у нас в доме никаких дорогих вещей, тем более, золотых. Ни сережек, ни бус, ни даже обручальных колец. Единственная ценность – книги, на которые я не жалел денег, но которые в те годы было трудно достать. Когда в Енисейске появилось телевидение, отказавшись от поездки на юг, купили телевизор «Изумруд», а в 1972 году – холодильник «Юрюзань», который и теперь еще стоит у нас на даче.

Несмотря на наши поездки на юг в последние годы заметно ухудшилось Нинино здоровье. Её все чаще, особенно зимой и весной стали беспокоить головные боли. Сначала мы считали, что они являются следствием всего, что ей пришлось пережить в лагере и ссылке, и надеялись, что со временем боли пройдут сами собой. Но они не проходили. Врачи, к которым мы обращались, считали их следствием сильной неврастении, развившейся на основе базедовой болезни, и выписывали соответствующие лекарства. Однако заметного эффекта это не давало. Я засел за медицинские книги и журналы, выискивая всё, что могло указать на причины Нинино состояния, и всё больше убеждался, что базедовой болезни у неё нет. В конце концов, с этим согласились и лечащие врачи.

Иногда, чаще летом, приступов у Нины не было месяцами, и тогда я начинал надеяться, что они вообще прекратились, однако потом, на протяжении месяца их могло быть несколько. По совету лечащего врача Нина дважды побывала в Белокурихе, где были известные по всей Сибири радоновые источники. Но они не помогли. Нинино здоровье продолжало ухудшаться. Теперь к коро-

бочке с лекарствами от головной боли добавилась коробка с лекарствами для сердца. Врач выписывала всё более дефицитные лекарства, которых в обычных аптеках не было. Доставали их либо через приятельницу Зинаиды Васильевны, курировавшую в крайкоме партии медицинские заведения, либо через Игорька, который, как участник Великой Отечественной войны имел дополнительные возможности. Чаще же всего он доставал их на чёрном рынке Ростова.

По состоянию здоровья Нине часто приходилось бывать на медицинских комиссиях. Боясь, что её могут заподозрить в притворстве, старалась рассказать как можно больше о своих болях. Её речь при этом становилась торопливой, сбивчивой. Члены комиссии прерывали её, требуя коротких и чётких ответов. Она нервничала и была такой несчастной. Я сочувствовал ей, жалел и уговаривал бросить работу, но она не соглашалась.

Что бы упростить объяснение с врачами завёл специальную тетрадь, в которой ежедневно отмечал объективные и субъективные признаки её болезни: температуру, давление, пульс, наличие или отсутствие головной боли, болей в сердце, настроение. С этой тетрадкой Нина ходила к врачам и на комиссии, и ей теперь не требовалось по много раз рассказывать одно и то же. Всё это не могло не повлиять на моё к ней отношение. Из любимой и желанной женщины она постепенно превращалась в мою пациентку. Я постоянно был занят мыслями о её здоровье. Она по-прежнему была бесконечно дорога мне и любима, но теперь эта любовь в большей степени была замешана на жалости и сострадании. Ничего хорошего это не предвещало.

Не надо думать, что Нина из-за своей болезни была всегда в плохом настроении. Когда очередной приступ её отпускал, она вновь была жизнерадостна и весела, готова к шуткам и розыгрышам.

Шестьдесят четвёртый год был для нашей семьи полон событий. В конце учебного года в Енисейск приезжали Эрночка и Петя. Они любовались нашей природой, церквями, монастырём, Енисеем. Ходили вместе с нами в лес. Эрночка подолгу беседовала с Ниной, Ольгой Федотовной, ребятишками. Петя - в основном со мной. Тема обычная: судьба советских немцев. От него я узнал, что многие из них, особенно коммунисты с довоенным стажем, пишут коллективные письма в ЦК КПСС и Правительство с требованием восстановить республику немцев Поволжья.

Я весьма скептически отнёсся к этой идее, так как был уверен, что органы власти не допустят восстановления республики. Кроме того, я считал, что и сами советские немцы, во всяком случае, большинство из них, и особенно молодёжь, за прошедшие двадцать с лишним лет успели обжиться на новых местах и вряд ли одобряют такое возвращение. Ведь должны же они понимать, что их дома на Нижней Волге заняты другими людьми, сады вырублены, скот забит. И что ждёт их там, если они вернуться?

Петя не соглашался, утверждая, что подавляющее большинство высланных немцев во сне и наяву мечтают о своей «малой родине», о красавице Волге, бескрайних просторах приволжских степей, яблонево-садах, золотистой колосющейся пшенице, тучных стадах. Если бы им разрешили вернуться, утверждал Петя, они бы безболезненно включились в жизнь Поволжья.

Из уважения к Пете я не вступал с ним в спор, но возражений у меня было много. Конечно, обошлись с советскими немцами слишком жестоко: оклеветали, выселили, отобрали всё, что они нажили упорным личным трудом, трудом нескольких поколений, бесчисленными жертвами своих соотечественников. Отобрали, не компенсировав, хотя бы частично, потери. Обещанной помощи на новых местах не оказали. Но ведь тогда шла война с Германией, с немцами, хотя и с другими, но всё же с немцами. Война не на жизнь, а на смерть и была опасность, что враг, прорвавшись к Волге, найдёт поддержку в немецких деревнях и сёлах Поволжья.

Конечно, жаль, что тогда, в начале войны, им не поверили. Не поверили своим, советским немцам, поддержавшим советскую власть в годы гражданской войны и коллективизации, создавшим первые в России коммуны и колхозы. Ещё хуже, что их оклеветали, выдав опасения за свершившийся факт, а теперь, через двадцать лет после окончания войны, не разрешают вернуться в родные места к могилам своих предков.

Но следует ли отсюда, что нужно восстанавливать республику? Что собственно имели колонисты, и что получают от неё в случае восстановления? Национальную замкнутость, отключённость от происходящих в мире культурных процессов, трудности в получении высшего образования. Ведь во всей республике было всего три вуза, в которых преподавание велось на немецком языке. Как мне казалось, гораздо лучше жили в России те немцы, которым удалось устроиться среди русского населения за пределами республики.

Петя, возражал, считая, что республика нужна для того, что бы советские немцы могли сохранить свой язык и свою культуру. Мне Петины планы возрождения немецкой культуры в сёлах и деревнях Нижней Волги казались наивными. Всё, что я в своё время наблюдал, и о чём прочёл в книгах, говорило о неизбежности её вырождения.

Спор этот был бесперспективным. Петя любил сельскую жизнь, крестьянский труд, обычаи, нравы, язык, культуру, сложившиеся в немецких деревнях. Я же любил город, городскую жизнь, нравы и обычаи своей семьи, которые всегда так раздражали Петю, и это откладывало свой отпечаток на моё отношение к проблеме российских немцев.

Уже после отъезда Пети и Эрочки, ко мне обратилась одна из наших преподавательниц немецкого языка, этническая немка, Тереза Христиановна Хромова с просьбой подписать адресованное в ЦК КПСС письмо, в котором от имени немцев Енисейского района и города Енисейска выдвигалось требование восстановить республику немцев Поволжья. Тон письма был резким и категоричным, аргументация ограничивалась ссылкой на то, что республика была создана Указом, подписанным В.И. Лениным. Помимо подписи Хромовой, в письме было ещё три подписи совершенно незнакомых мне людей. Прочтя на моём лице сомнения, Хромова спросила:

- Вы что же, не хотите жить в республике немцев Поволжья?

- Нет, не хочу! Что я там буду делать? Крестьянствовать? Но я в этом ничего не понимаю, и добиться ничего не смогу.

- Но ведь другие хотят! – настаивала она.

- Вот другие, кто этого хочет, пусть и подписывают. Кроме того, что там будут делать мои дети?

Тереза Христиановна, наверное, сильно обиделась на меня, а я снова и снова мысленно возвращался к этой проблеме. Привлечь к обсуждению Нину я не мог. Юра же полностью разделял мои взгляды, хотя вернуть родительский дом в Камышине был бы не против.

В одну из наших встреч в Красноярске Юра рассказал, что его, под расписку о неразглашении, ознакомили с содержанием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 года о внесении изменений в Указ 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Насколько помнил Юра, в констатирующей части Указа говорилось о том, что выдвинутые в сорок первом году обвинения в адрес советских нем-

цев не имели под собой оснований и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина, что немецкое население все эти годы добросовестно трудилось на предприятиях, в совхозах, колхозах, в учреждениях; активно участвовало в общественной и политической жизни. Более отчётливо запомнил он постановляющую часть Указа и даже пытался записать её.

1. Указ Президиума ВС СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», в части, содержащей огульные обвинения в отношении немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, отменить.

2. Учитывая, что немецкое население укоренилось по новому месту жительства, на территории республик, краёв и областей страны, а районы его прежнего места жительства заселены, в целях дальнейшего развития районов с немецким населением, поручить Советам Министров союзных республик и впредь оказывать помощь и содействие немецкому населению, проживающему на территории республик, в хозяйственном и культурном строительстве с учётом его национальных особенностей и интересов.

Ожидаемой всеми российскими немцами отмены Указа от 13 декабря 1955 года, в котором говорилось «что снятие с немцев ограничения по спецпоселению не влечёт за собой возвращения их имущества, конфискованного при выселении, и, что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были высланы», не произошло.

Последнее обстоятельство особенно злило Юру, так как лишало его надежд на возвращение дома в Камышине. Меня же Указ 1955 года не касался, так как теоретически я мог ехать и прописаться даже в Саратове. Однако отношение к гражданам немецкой национальности оскорбляло. Возмущала и политика замалчивания всего, что связано с их проживанием в России. Даже в Советской Энциклопедии, изданной в 1957 году, советским немцам и АССР НП не было посвящено ни одной строчки. В открытой печати не был опубликован и ни один из Указов, касающихся советских немцев. Помню, как был удивлен преподаватель Саратовского университета, приехавший на конференцию в Красноярск, когда мы с Юрой рассказали ему о республике немцев Поволжья. Он уверял нас, что за три года жизни в этом городе ни разу ничего не слышал и не прочёл о живших в этих местах немцах.

Летом, пользуясь очередным правом на бесплатный проезд, мы всей семьёй двинулись на юг, теперь уже с твёрдым намерением побывать на море. Маршрут: Москва, Ростов, Краснодар, Горячий Ключ, море. Взяв в горяче-ключевской турбазе на прокат две палатки и надувные матрацы, окольным путём, через Хадыженск и Туапсе, добрались до поселка Лермонтово, расположенного в четырёх километрах на север от Джубги. Сияющее синее море, обширный пляж и мало людей. Там, прямо на берегу, недалеко от куста ежевики и крана с водой, поставили палатки. Перед нами море, за нами трасса, по которой и днём и ночью, шурша шинами, проносились машины. За трассой пограничная застава и посёлок. На расположенном у самой дороги базаре можно было купить основные продукты и столь любимые всеми, кроме меня, кукурузные початки. В достатке было помидор, огурцов, яблок, груш, слив и винограда. Виноград часто привозили прямо на пляж. Мы брали ящиками, такими плоскими-плоскими, в которых грозди лежали в один слой. Еду готовили на керогазе, который привезли с собой из Горячего Ключа. Ветер задувал пламя, приходилось строить вокруг керогаза ограждение от ветра.

п. Лермонтово. Морской пейзаж

Вскоре из Ростова приехала Оля. Все мы в двух палатках не помещались. Каждую ночь кому-нибудь из взрослых, чаще всего мне, приходилось спать под открытым небом. Под утро, когда становилось прохладно, и выпадала роса, укрывался плёнкой.

Валера быстро совершенствовался в плавании и стремился заплыть как можно дальше от берега. За ним тянулась Наташа. Все быстро загорели. С Оли кожа облазила клочьями. Нина, Оля

и Рома плескались у берега. Я же был вынужден всё время быть начеку, и не мог, как мне ни хотелось, поплавать вдали от берега.

Детям отдых нравился. Я же мечтал о времени, когда мы с Ниной могли бы поехать на море вдвоём. Поставить палатку в какой-нибудь расщелине вдали от людей. Каждое утро у палатки я ставил бы букетик лесных цветов. Но это было невозможно. Оставить детей дома, а самим наслаждаться отдыхом, этого позволить себе мы не могли.

В конце августа, повторив весь путь в обратном порядке, изрядно нагруженные фруктами, вареньем и мёдом, вернулись в Енисейск.

В начале очередного учебного года в институте произошло событие, взбудоражившее и без того не очень мирную жизнь педагогического коллектива. При обсуждении пятилетнего ректорства Николая Ивановича Демко, коллектив института не поддержал его избрание на следующий срок. В Енисейск прилетел инструктор крайкома партии Феодосий Максимович Попов. После длительных обсуждений и согласований с райкомом и крайкомом партии ректором института была назначена заведующая кафедрой общественных дисциплин нашего института Зинаида Васильевна Стефанская. Не очень опытная в административных вопросах, деликатная и, главное, не принадлежащая ни к одной из сложившихся в институте группировок она устраивала большинство членов коллектива. Её кандидатуру поддержало и министерство. Назначение Стефанской меня не очень удивило. Кандидат философских наук, доцент, она была активным коммунистом, ведущим в крае большую атеистическую работу, что в то время очень ценилось.

После того как Николай Иванович Демко, обиженный отношением к нему коллектива, вернулся в Красноярск, Зинаида Васильевна переехала в освободившуюся ректорскую квартиру. Вместо неё над нами поселился преподаватель радиотехники, выпускник нашего института Игорь Водинов с женой Лилией Александровной и дочкой Людой. Лилия Александровна была известным и очень уважаемым в Енисейске гинекологом, а так же близкой подругой Зинаиды Васильевны Стефанской. Нина со временем тоже сблизилась с Лилией Александровной. Вспоминая те годы, я всё отчетливее осознаю сходство этих трёх женщин: Нины Георгиевны, Зинаиды Васильевны и Лилии Александровны. Все одного возраста, роста и телосложения. У всех трёх одна и та же походка и много общего в чертах характера. Рассматривая фотографии тех

лет, где мы в окружении детей или без них купаемся на Енисее или на Кеми, я поражаюсь тому, что в своё время не осознал это сходство. Мне просто нравилось общество этих женщин, и я с удовольствием беседовал с ними о жизни и семейных проблемах, которых у Лилии Александровны, как и у Зинаиды Васильевны, было не мало.

Вскоре после избрания Стефанской ректором в Мариуполь уехал Дмитрий Галактионович Жолудев. На освободившееся место проректора по рекомендации Стефанской назначили меня. С её стороны это было очень смелое решение. Ведь я не имел ни степени, ни звания, ни даже опыта административной работы. Последнее было тем более опасным, что и сама Зинаида Васильевна такого опыта не имела. На мой вопрос, почему на должность проректора она выбрала меня, ответила:

- Мы с членами бюро достаточно долго обсуждали вашу кандидатуру, учли ваш возраст, энергию и авторитет, который вы успели завоевать на своей кафедре.

Потом, подумав, добавила:

– Лично меня привлекает то, что Вы до сих пор не примкнули ни к одной из существующих в нашем коллективе группировок, и, – и тут она рассмеялась, – особенно то, что вы не пьёте.

- Это конечно веский аргумент, – тоже рассмеявшись, ответил я, но как Вам удалось уговорить коллектив?

- При чём здесь коллектив? Вашу кандидатуру поддержал райком партии, а в Министерстве только потребовали, что бы мы поторапливали Вас с работой над диссертацией, а после выхода вашей третьей книжки направили ваши документы в ВАК на предоставление к званию доцента.

Новые служебные обязанности, так как я их в то время себе представлял, не очень пугали меня. Чего-чего, а планировать и распределять работу, составлять планы, графики мероприятий, писать отчёты и объяснительные к ним, я умел. К сожалению, всё оказалось не столь простым, как я это себе представлял, а возможно, как это себе представляла Зинаида Васильевна.

Проблемы начались с первых шагов и, как всегда, были связаны с нарушением давно сложившейся в коллективе иерархией. В институте работали такие ветераны педагогического труда как К.А. Патюков, З.М. Патюкова, Н.С. Нагаев, Р.Т. Гриб, для которых Зинаида Васильевна на посту ректора была в некотором смысле случайным человеком. Её назначение задевало их самолюбие, так как каждый из них, возможно не без основания, считал себя

более достойным занять этот пост. Однако привыкшие подчиняться партийным решениям, они смирились, и главное усилие направили на включение Зинаиды Васильевны в круг своих групповых интересов.

Со мной дело обстояло сложнее. Ведь моё назначение, хотя и согласованное с партийными органами, исходило от Зинаиды Васильевны. Такой её выбор, задевал особенно. Ведь я в коллективе был новичком, причём с сомнительным лагерным прошлым. Чести же мне и без того было оказано слишком много: за короткий срок от ассистента до заведывания кафедрой, а теперь и проректора. Не многовато ли? К тому же немец. Настораживало и мое отношение к алкоголю.

Больше всего проблем, на первых порах, у меня возникало с деканами, которые предпочитали иметь дело с ректором и по любому, самому пустяковому поводу, шли к Зинаиде Васильевне. Та тактично направляла их ко мне, тем более, что сама ещё не полностью освоилась с новыми для неё функциями. Со временем деканы смирились, и все вопросы учебной работы оказались под моим непосредственным контролем. И здесь, как я теперь могу судить, всё обстояло более или менее благополучно.

Хуже было с научной работой, особенно среди математиков. Я, как проректор и заведующий кафедрой, должен был предпринять какие-то усилия. Хотя к моменту назначения проректором я уже серьезно занимался методикой математики, но для того чтобы сформировать определённое научное направление этого было явно недостаточно. Дело сдвинулось с мёртвой точки только тогда, когда на кафедру пришли наши выпускники: Зубакин, Клишкин, Набебин. Работая в разных направлениях, они втроём в год выдавали до двадцати математических статей, больше половины из которых публиковались в центральных журналах.

В эти первые годы работы в должности проректора, я систематически приглашал в Енисейск в качестве председателя государственной экзаменационной комиссии Горста. Кроме того, по моей просьбе Юра проводил с членами кафедры семинары по функциональному анализу. На подготовку к его занятиям у меня, как правило, не хватало времени, и я сильно нервничал, боясь что не смогу ответить на вопросы, которые Юра так любил задавать аудиторией.

Во время таких посещений Енисейска, Юра, естественно, останавливался у нас. Для него это было временем отдыха и разрядки. Он готов был ночи напролёт «трепаться», попивая вино.

Но для меня это было страшной, изнуряющей нагрузкой. И поэтому я вынужден был приглашать Широколобова, Пляскина, Сперанского, чтобы они развлекали Юру или, что было чаще, провожать Юру к ним.

Юре было трудно привыкнуть к отсутствию удобств, особенно после нескольких бутылок пива. Он ворчал, проклиная советскую власть и маленькие города. Проблемой для него, да и для нас тоже, была такая простая вещь, как умывание. На кухне у нас стоял умывальник, ёмкость к которому и саму систему слива готовил я сам. К сожалению, я не смог достать сосок, который обычно ставят в поездных умывальниках, и поэтому был вынужден установить обыкновенный кухонный кран.

Хорошо помню то утро. Кухня. Юра у рукомойника в майке и полотенцем на плече, собирается умываться. Открыл кран и продолжает разговаривать со мной. Вода бежит струёй. Минута, две, три. Представляю, как быстро опустошается бак и наполняется ведро под раковиной. Ольга Федотовна подаёт мне отчаянные знаки, а я жду, когда Юра кончит говорить. Но напрасно, Юра увлечённо рассказывает, какой прекрасный вечер он провёл у Сперанских, какие у них симпатичные дочери. Ольга Федотовна не выдерживает:

- Юра, закрой кран!

- Зачем? - удивляется Юра.

Вмешиваюсь в разговор.

- Ничего мама, мы его пошлём с вёдрами на Енисей. Пусть попробует. Это ему не пиво пить.

Завершился шестьдесят четвёртый год снятием Хрущёва. На этот раз все обошлось без шумных политических столкновений и крови. 15 октября 1964 года в газетах было опубликовано короткое коммюнике. В нем сообщалось, что состоявшийся накануне пленум ЦК удовлетворил просьбу товарища Хрущёва об освобождении его от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР, в связи с преклонным возрастом (было ему тогда 70 лет) и ухудшением состояния здоровья.

Спустя два дня «Правда» выступила с критикой чуждых партии «прожектёрства, скороспелых выводов и поспешных, оторванных от реальностей решений и действий, хвастовства и пустозвонства, увлечения администрированием, нежеланием считаться с тем, что уже выработали наука и практический опыт».

Хотя Хрущёв при этом не упоминался, всем было ясно, о ком шла речь.

После отставки Хрущёва основные должности были переданы лицам, подготовившим его смещение. Пост первого секретаря ЦК КПСС занял Л.И. Брежнев, правительство возглавил А. Косыгин. Основным идеологом партии стал М. Сулов. Меня происшедшее сильно встревожило. Как мне казалось, ничего хорошего для нас, бывших заключённых, отстранение Хрущёва не предвещало. Но всё обошлось. Как и следовало ожидать, были ликвидированы совнархозы, восстановлены центральные промышленные министерства, созданы новые государственные комитеты, отменено деление партийных организаций на промышленные и сельскохозяйственные и предприняты усилия по укреплению роли партии во всех государственных и хозяйственных структурах. Хотя разговоры об ошибках Сталина и прекратились, отношение к бывшим заключённым заметно не ухудшилось.

У нас в институте, после некоторого замешательства в партийных рядах, всё успокоилось. Коммунисты, ещё недавно единогласно, хотя и вопреки своим внутренним убеждениям, голосовавшие и единодушно поддерживавшие все начинания Хрущёва, теперь так же единодушно их клеймили. Настроение было пако-стным, тем более что при всех глупостях, которые часто допускал Никита Сергеевич, я, в отличие от многих моих сослуживцев, ему симпатизировал. Мне казалось, – он бился, как рыба об лёд, пытаясь соединить несовместимое: новую идеологию и старую экономику.

С первых дней прихода к власти новое руководство предприняло значительные усилия по укреплению авторитета партии и усилению её влияния на все стороны жизни общества. Особую роль в этом процессе играл Сулов, бдительный страж чистоты идеологии, который не переставал подчёркивать ведущую роль «партийности», как первого условия, необходимого для занятия общественного поста в любой области. Принимались меры к тому, что бы окончательно покончить с эпохой культурной оттепели. В сентябре 1965 года были арестованы писатели А. Синявский и Ю. Даниель за то, что издали за границей под псевдонимами свои произведения, которые затем уже в напечатанном виде были ввезены в Советский Союз. В феврале 1966 года они были приговорены к нескольким годам лагерей. Это был первый открытый политический процесс в послесталинский период. Похоже, он был задуман как пример и предупреждение. Писателей осудили по

статье 70 нового Уголовного Кодекса, заменившей печально известную пятьдесят восьмую. Впоследствии эта статья широко применялась для преследования различных форм диссидентства. Были арестованы: А. Гинзбург, составивший “Белую книгу” о февральском процессе 1966 года, П. Литвинов и Ю. Галансков, основавший самиздатский журнал “Феникс”, А. Марченко, автор первой книги о лагерях хрущёвского периода (“Моё свидетельство”), широко распространявшейся в самиздате.

Конечно, по сравнению с тем, что происходило в сталинские времена, эти процессы выглядели безобидной детской игрой. Однако для определённой части граждан эти шаги правительства означали окончательное крушение возникшей в годы хрущёвской оттепели надежды на то, что советские люди наконец-то обретут право на свободное выражение своих мыслей. Оказалось же, что партия по-прежнему стремится держать под своим контролем, каждый шаг советских людей, каждое движение мысли, решая за людей, что им читать, что слушать, что смотреть, о чём думать, о чём мечтать. Это было унижительно и я, как когда-то в школьные и институтские годы, в общении с наиболее близкими мне по духу людьми выражал неприятие происходящего. Нина нервничала и по вечерам на кухне, когда засыпали дети, отчитывала меня за каждое неосторожно сказанное слово. Мне оставалось только соглашаться: ведь знал же я, что, как и в прежние годы, в каждой учебной группе были осведомители КГБ, работавшие, кто по принуждению, а кто и по собственной инициативе. Немало было их и среди преподавателей. Всё это я понимал, но сдержаться не мог. Выходило, что ни тюрьма, ни лагерь не научили меня осторожности. Даже Юра был осмотрительнее меня, пресекая подобные разговоры в присутствии большинства из своих друзей.